

Опубликовано: Наследия и региональные исследования: Сб. науч. трудов.
Саратов; Изд-во Торгово-промышленной палаты Саратовской области, 2005.
С.119-141

Семенова И.В.,
с.н.с. Энгельсского краеведческого музея
БОТАНИКИ ЭМИЛЬ МЕЙЕР И ЭМИЛЬ ГУММЕЛЬ
В ОТДЕЛЕ ПРИРОДЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ АССР НП
В ПОКРОВСКЕ

Обращение к истории Центрального музея АССР немцев Поволжья в г. Покровске и вкладу выходцев из немцев Поволжья в науку и культуру региона по-прежнему остаются актуальными. Список обобщающих работ, посвященных этим темам, невелик. Биографические сведения об основателе естественно-исторического отдела музея в Покровске профессоре Э.А. Мейере и его преемнике Э.Э. Гуммеле не приводятся в работе Е.М. Ериной, хотя там имеются касающиеся их отдельные интересные факты¹. То же можно сказать о публикации Е.А. Флеймана² и обстоятельной статье Е.М. Ериной и Н.А. Маловой³. Сведения об этих ботаниках отсутствуют в энциклопедических изданиях⁴. Ссылок на работы обоих нет и в монографии, обобщающей литературные данные по изучению флоры Саратовской области⁵. Собранные ими гербарии в Энгельсском краеведческом музее не сохранились. Одна из причин этой информационной лакуны - в том, что оба ученых в 1930-х годах были незаконно репрессированы, их имена надолго были вычеркнуты из истории. Все эти обстоятельства определяют актуальность нашего сообщения.

Работа написана с использованием следующих источников: личного дела Э.Э. Гуммеля в архиве Саратовского государственного университета (в дальнейшем – СГУ);⁶ отчетно-плановой документации и официальной переписки Центрального музея и Общества научного изучения Немреспублики, а также рукописи Э. Мейера «Мой ботанический сад в Штефане, кантон Каменка» хранящихся в Энгельсском филиале государственного архива Саратовской области (в дальнейшем – Эф ГАСО)⁷; материалов по охране природы, переписке с заграницей, альбома по госсемхозу имени профессора Мейера из архива и фондов Энгельсского

¹ Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995

² Флейман Е.А. Государственные музеи в Республике немцев Поволжья//Немецкий этнос: веки истории. Материалы научной конференции 24 – 25 июля 1993 г. М., 1994. С. 110-115

³ Ерина Е.М., Малова Н.А. К истории Центрального музея АССР Н.П.//Феникс. Алма-Ата, 1997. №20

⁴ Русские ботаники: Биографо-библиографический словарь. М., 1947. Т.1 – 4; Немцы России. Энциклопедия. М., 1999-2004. Т. 1-2; Профессора и доктора наук Саратовской области. 1909 – 1999. Саратов, 2000.

⁵ Флора Саратовской области. Под ред. проф. А.А. Чигуряевой. Саратов, 1986 – 1991. Ч. 1-8.

⁶ Архив СГУ. Книга №1 личных дел студентов до 1932 г. Д. 561. Лл. 1-23.

⁷ Эф ГАСО. Ф. Р-1348, оп. 1, д.д. 1 – 21.

краеведческого музея⁸; размещенных в Интернете сведений; печатных работ Э.Э. Гуммеля по ботанике; публикаций по естественно-историческому краеведению в Нижневолжском крае и т.д. Считаю уместным в ряде случаев также изложить свои еще не проверенные предположения, всякий раз оговаривая это.

Еще в 1919 г. в докладе будущего основателя Центрального музея АССР НП в Покровске Г.Г. Дингеса прозвучал тезис о необходимости основательного изучения климата, почвы, животного мира и растительности Немецкой автономии, поскольку экономический профиль Области немцев Поволжья был аграрным⁹. Свидетельством широкой программы краеведческих исследований, намеченных этим лингвистом и этнографом, является и состав его личной библиотеки, из которой уцелела брошюра профессора геологии СГУ А.И. Бузика с дарственной надписью автора, адресованной Георгу Генриховичу¹⁰.

Поскольку исторические традиции сформировали специфический менталитет поволжского немца-колониста – рачительного хозяина, расчетливо использующего природные ресурсы¹¹, то первоначально, в конце декабря 1925 г., наркомат земледелия в Покровске создал комиссию по организации сельскохозяйственного музея с отделом естественной истории края¹². Если бы осуществился этот вариант, то Центральный музей, который открылся тогда в Покровске, должен был бы сохранять гуманитарный профиль. Но директором музея уже начато было изучение адаптации этносов Поволжья к степному ландшафту и установление народных воззрений на природу,¹³ а далее предусматривалось комплексное изучение всего региона Немецкого Поволжья по типу научно-исследовательского института¹⁴. Таким образом, профессор Дингес добивался специально, чтобы естественно-научное направление в Покровске организационно оформилось не в качестве самостоятельного учреждения, а в виде естественно-исторического отдела при Центральном музее. Мы не считаем, что директор при этом руководствовался конъюнктурными соображениями, которыми некоторые исследователи объясняют происходившее в том же 1926 г. в Саратове слияние музеев гуманитарного и естественно-исторического профиля¹⁵.

По плану работы Центрального музея на хозяйственный год с 1 октября 1926 по 1 октября 1927 г. предполагалось открыть отдел природы в его ботанической части. Действительно, коллекция растений демонстрировалась

⁸ В дальнейшем – ЭКМ.

⁹ Дингес Г. Задачи краеведения//Роковые дороги поволжских немцев. 1763 – 1993. [Сост. В. Фукс]. Красноярск, 1993. С. 43 - 47.

¹⁰ Бузик А.И. К геологии Новоузенского уезда Саратовской (бывшей Самарской) губернии. Саратов, 1920

¹¹ Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья, 1918 – 1941 гг. М., 1999. С. 68.

¹² Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 1, л. 9 – 10.

¹³ Dinges G. Die goldene Funde im Bereich der Wolgadeutsche Republik//Unsere Wirtschaft. Pokrowsk, 1926, №35. S. 563 – 564.

¹⁴ Дингес Г. Схема построения центральных музеев автономных республик//Саратовская областная музейная конференция. 12 - 15 октября 1926 г. Саратов, 1926. С. 7.

¹⁵ Данилов В.Н. «Золотое десятилетие» Саратовского исторического краеведения (1920-е годы)//Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 169.

уже в первой экспозиции музея, открытой 14 ноября 1926 г.¹⁶ Планировалось также подготовить путеводитель, но это не было осуществлено. Далее намечалась организация отдела промышленности и земледелия, а также подотдела местной фауны (зоологического) и мертвой природы Немреспублики. При этом работа естественно-исторического отдела в первую очередь была сориентирована на традиционные исследовательские, а не культурно-просветительские цели. Не случайно на полях плана появилось чье-то недовольное замечание: «Главное [-] природа. Несовпадение работы музея и земледелия»¹⁷.

На должность первого заведующего был приглашен ботаник. Это не случайно: растительность выступает наиболее удобным индикатором при изучении всего биотического сообщества¹⁸. Фамилия создателя естественно-исторического отдела Центрального музея АССР НП в Покровске по-русски звучит как Мейер/Майер. В документах она фигурирует в обеих формах. Имя профессора – Эмиль – можно считать твердо установленным, хотя в совместной публикации Е.М. Ериной и Н.А. Маловой он ошибочно назван Штефаном¹⁹. Что касается отчества, в публикациях встречаются варианты «Адольфович» и «Августович», несмотря на то, что речь идет об одном и том же лице.

Эмиль Адольфович Мейер прежде заведовал ботаническим садом Петровской земледельческой академии в Москве (ныне это Тимирязевская сельскохозяйственная академия),²⁰ затем создал ботанический сад в с. Штефан Каменского кантона (ныне это с. Воднобуерачное Камышинского района Волгоградской области). Таким образом, это был специалист высокой квалификации с опытом создания естественно-научных коллекций из живых природных объектов. Он понимал, что ландшафты Саратовского края, переходные от среднерусской лесостепи к глинистым и песчаным пустыням Средней Азии, являются гигантской лабораторией, в которой интенсивно идут формообразовательные процессы, поэтому изучение флоры и растительности Саратовского края представляет особый интерес.²¹ Собирая материал ученый предполагал с помощью экспедиций. Что касается учета и охраны памятников природы, они музеем в это время не проводились, хотя и должны были осуществляться в рамках общей музейной политики советского государства²².

Профессор Мейер, по-видимому, был типичным представителем дореволюционной научной интеллигенции с аналитическим складом ума,

¹⁶ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 2, л. 17; Трудовая правда. Покровск, 27 нояб. 1926; Ерина Е.М., Малова Н.А. К истории Центрального музея АССР Н.П.//Феникс. Алма-Ата, 1997. №20. С. 221.

¹⁷ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 2, л. 16 об.

¹⁸ Второв П.П., Второва В.Н. Эталоны природы. М., 1983. С. 30.

¹⁹ Ерина Е.М., Малова Н.А. К истории Центрального музея АССР Н.П.//Феникс. Алма-Ата, 1997. №20. С. 225.

²⁰ Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995. С. 30.

²¹ Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский университет (1919 – 1917 гг.) Саратов, 1999. С. 8.

²² Флейман Е.А. Государственные музеи в Республике немцев Поволжья//Немецкий этнос: вехи истории. Материалы научной конференции 24 – 25 июля 1993 г. М., 1994. С. 111.

человеком подлинной культуры, ценившим творчество Я.Я. Вебера, картины которого украшали его кабинет в с. Штефан. Однако работа Э.А. Мейера в музее не была длительной. К 1 октября 1926 г. его еще не было в Покровске, первый план работы отдела, разработанный им, датирован 26 ноября 1926 г.²³ Можно предположить, что, приглашенный на заведование, Э.А. Мейер не сразу оставил Штефан и появился в Центральном музее лишь поздней осенью, после завершения сезонных садово-полевых работ.

Хотя ученый проработал на своей должности только до 1 октября 1927 г., именно он положил начало комплектованию естественно-научной коллекции отдела. Он передал на хранение в музей гербарий из 338 видов растений, оцененный в 200 руб. «без тех, что еще у Мейера».²⁴ Начал сбор экспонатов по палеонтологии: к директору Покровского костя завода музей обратился с просьбой о передаче частей скелета мамонта²⁵

Однако музейную работу вскоре пришлось оставить. Наркомат Земледелия АССР НП поручил профессору Мейеру организовать научно-исследовательское учреждение – опытно-огородное семенное хозяйство, которому было присвоено имя основателя. В 1928 году ученый, возглавив госсемхоз, переехал в с. Штефан²⁶. Спустя год Г.Г. Дингес, имевший возможность оценить квалификацию и человеческие качества Э.А. Мейера во время совместной деятельности в музее, предполагал пригласить ученого на преподавательскую работу в Немецкий педагогический институт в Покровске²⁷. О дальнейшем известно лишь, что Эмиль Августович Майер, добившийся серьезных успехов в овощном семеноводстве и создании новых сортов овощей в госсемхозе с. Штефан, беспартийный, к августу 1937 г., был арестован как «фашист»²⁸. Ботанический сад его, видимо, не уцелел (не значится составленном В.А. Брылевым списке «Памятники природы Волгоградской области»).

Больше материала удалось собрать о ботанике Э.Э. Гуммеле, сменившем профессора Мейера в должности заведующего естественно-историческим отделом. В совместную публикацию Е.М. Ериной и Н.А. Маловой вкралась неточность: Гуммеля звали Эмилем, а не Эммануилом²⁹. Он родился 26 мая по ст. стилю и был крещен 8 июня 1897 года по лютеранскому обряду в с. Рязановка, она же Резановка Николаевского уезда Самарской губернии. Эта бывшая колония поволжских немцев сохраняет до настоящего времени свое первоначальное наименование (в форме Рязановка). Второе название этого поселения, Неб, стало официальным, когда во второй четверти XX века колония была отнесена к Унтервальденскому кантону АССР немцев

²³ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 2, л. 12 – 15.

²⁴ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 3, л. 2 об.

²⁵ Ерина Е.М., Малова Н.А. К истории Центрального музея АССР Н.П.//Феникс. Алма-Ата, 1997. №20. С. 224.

²⁶ Альбом ЭКМ 8425; Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 6, л. 7.

²⁷ Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995. С. 30.

²⁸ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Саратов, 1994. Ч. 2. С.с. 209, 350.

²⁹ Ерина Е.М., Малова Н.А. К истории Центрального музея АССР Н.П.//Феникс. Алма-Ата, 1997. №20. С. 227.

Поволжья. Она находится на левом берегу Волги в соседстве с бывшей колонией Брокгаузен, тоже лютеранской (ныне с. Буерак Марковского района). Последней официальное имя дал ее основатель барон К. Борегад (по названию своего замка в Голландии). Однако сами жители называли свою колонию Гуммель. Известно, что в неофициальных названиях поселений иностранных колонистов нередко фигурировали фамилии старост-форштегеров³⁰. Можно поэтому предполагать, что будущий ботаник происходил из рода, занимавшего видное положение в Брокгаузене.

Отец, Эммануил Гуммель, получил подготовку, достаточную для того, чтобы стать учителем церковноприходской школы в Рязановке. Должность шульмейстера в волостном центре, население которого превышало 2,7 тыс. человек, была почетной и, хотя не считалась доходной, все же позволила заплатить 25 рублей за обучение сына в университете. Мать Эмиля звали Екатериной, девичья фамилия ее была Шмидт. Достоверно, что в семье, кроме будущего биолога, был еще один сын старше Эмиля.

Эммануил Гуммель, без сомнения, был первым учителем сына. У шульмейстеров, как правило, имелась домашняя библиотека, и своих детей они поощряли к чтению книг из нее. Будущий Унтервальденский кантон был чисто немецким по населению, и для выходцев из его сел препятствием к получению хорошего среднего образования часто служило незнание русского языка. Несомненно, у Эмиля, сумевшего поступить в русскую мужскую гимназию, имелась возможность обучаться ему с ранних лет. Скорее всего, уроки давал ему отец, который мог быть выпускником Русского Центрального училища в Екатериненштадте, находившегося всего в 20 км от Рязановки и готовившего шульмейстеров.

С августа 1909 по май 1917 года Эмиль обучался в Екатериноградской Николаевской мужской гимназии (ныне г. Маркс). Полный 8-классный курс он окончил с золотой медалью, получив отличные оценки по всем 13 предметам, среди которых были латинский, немецкий и французский языки. Но особые успехи Эмиль показал в русском языке и в математике³¹.

В том же году Эмиль поступил на медицинский факультет Саратовского университета, и, хотя проучился недолго, этот год, видимо, имел большое значение для становления его интересов. Именно тогда он мог заинтересоваться биологией, к чему, можно сказать, предрасполагала его фамилия³². Для студентов-медиков первого курса обязательным был курс общей ботаники. Читал его магистр ботаники А.М. Левшин, председатель возникшего в октябре 1917 г. Ботанического общества Юго-Восточного края; будущий научный руководитель Э.Э. Гуммеля Дмитрий Эрастович Янишевский был товарищем председателя; секретарем являлся будущий академик Н.И. Вавилов.³³ Помимо этого, в конце 1917 – начале 1918 гг. в

³⁰ Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998. С. 126, 128.

³¹ Архив СГУ. Книга №1 личных дел студентов до 1932 г. Д. 561, л. 14.

³² «Hummel» по-русски «шмель».

³³ Профессора и доктора наук Саратовской области. 1909 – 1999. Саратов, 2000. С. 195; Мичурин В.Г.

Саратовское отделение Русского ботанического общества//Естественно-историческое краеведение: прошлое и настоящее. Саратов, 1998. С. 50.

СГУ были открыты еще 3 факультета, среди которых был физико-математический с отделением естественных наук³⁴. Вполне возможно, что Э.Э. Гуммель перевелся туда и попал в среду, жившую научным поиском, причем саратовскими ботаниками в это время очень интенсивно проводилось и ботаническое обследование Самарской губернии³⁵.

Однако общество ученых пришлось оставить: отец уже больше не мог материально помогать Эмилю, поскольку сам по инвалидности перешел на попечение старшего сына. Разруха, холод и голод гнали в родные места, где уже прошло выделение немецких колоний в национально-государственное образование. Бывший студент стал учителем, затем, когда в 1919 г. была создана областная статистическая служба, - заведующим районным отделением статистики (Область немцев Поволжья была разбита на 15 статрайонов). Традиционно должность статистика предполагала изучение хозяйственных и социальных условий района на основе командировок краеведческого характера. Непосредственным руководителем Э.Э. Гуммеля на этой должности являлся заведующий облстатбюро А.К. Маттерн³⁶, с которым судьба впоследствии опять сведет ученого.

Чтобы отчитываться о своей деятельности, бывший студент в это время периодически должен был посещать Марксштадт. С января 1919 г. там начал работать Центральный музей, располагавший через год 600 экспонатами, среди которых выделялось собрание местной орнитофауны.³⁷ Все это должно было притягивать биологов, и, может быть, неслучайно профессор Д.Э. Янишевский в 1921 г. проводил флористические изыскания именно в окрестностях Марксштадта. Трудно представить поэтому, чтобы здесь не побывал Э.Э. Гуммель; возможно, тогда он получил первое представление о музейной работе.

Может быть, из-за того, что на областной партконференции вину за экономическую катастрофу 1921 г. в Немецкой автономии возложили на статистиков, Э.Э. Гуммель спустя два года вновь вернулся к преподаванию в школе, проживая в реформатской колонии Цюрих (ныне с. Зоркино Марковского района). Исполняя обязанности секретаря комитета взаимопомощи и заведующего избой-читальней (то есть сельской библиотекой), Эмиль постоянно бывал также в соседней католической колонии Золотурн, она же Витман (ныне Золотовка). В этот период он, вероятно, получил хорошее представление о природе на северной границе Немецкой автономии, что в дальнейшем пригодилось ему в исследовательской работе.

³⁴ Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский университет (1919 – 1917 гг.) Саратов, 1999. С. 6.

³⁵ Виленский Д.Г. Материалы для флоры Самарской губернии//Известия Саратовской областной сельскохозяйственной опытной станции. Саратов, 1918. Т.1, вып. 3-4; он же. Растительность Салтовского леса Новоузенского уезда Самарской губернии//Известия Саратов. обл. с/х. опыт. станции. Саратов, 1918. Т. 1, вып. 3-4 и др.

³⁶ Каппес С.С., Миллер И.И., Моор А.Ф., Маттерн А.К. Первый отчет экономического совещания Области немцев Поволжья за время с 1 июля по 1 октября 1921 года. Марксштадт, б.г.

³⁷ Fischer G. Marxstädter Museum//Unsere Wirtschaft. Pokrowsk, 1927, №33. S. 619.

Уже достигнув 26-летнего возраста, Э.Э. Гуммель не заводил семью и не оставлял надежду получить высшее образование, ведь область Юго-Востока для восстановления хозяйства после засухи и политики военного коммунизма, последствием которой была ужасающая смертность населения, остро нуждалась в кадрах специалистов: аграриев и биологов. Пока точно не удалось установить, почему выбор заведующего областным отделом народного образования Г. Эльберга пал на Э.Э. Гуммеля, но в августе 1923 года Рабпрос Области немцев Поволжья командировал его на рабфак. В середине сентября состоялись приемные испытания по 4 предметам на естественное отделение педагогического факультета Саратовского государственного университета, которые Э.Э. Гуммелю удалось сдать на «удовлетворительно». В студенческие годы Эмилю выплачивалась стипендия АССР немцев Поволжья.

В период учебы сформировался круг делового общения Э.Э. Гуммеля и, видимо, в некоторых случаях деловые отношения переросли в дружеские. Например, по итогам практических занятий по сельхозботанике зачет у студента принимал Е. В. Беляков, с которым Э.Э. Гуммель, приступив к самостоятельным исследованиям, продолжал консультироваться в дальнейшем. Подготовка, которую студенты СГУ получали по биологии и химии, была весьма серьезной, все курсы читали профессора и будущие профессора: И.Л. Щеглов - почвоведение, Р.Э. Давид (будущий академик ВАСХНИЛ) – метеорологию, П.П. Пилипенко – минералогию и петрографию, А.А. Крогиус - психологию, И.Б. Волчанецкий – географию животных, сравнительную анатомию в связи с гистологией и эмбриологией, историю естествознания. Профессор В.С. Елпатьевский вел практические занятия по общей и сельскохозяйственной зоологии, а также освещал вопросы биологии в связи с эволюционной теорией. Химию преподавали профессор Н.А. Шлезингер и будущий академик В.В. Челинцев, а в 1926 г. их коллега профессор В.П. Голуб руководил летней производственной практикой студентов по сельхозкооперации. Землеведение и историческую геологию читал будущий член-корреспондент АН СССР Б.А. Можаровский, а занятиями по микробиологии, анатомии и физиологии растений руководил будущий академик А.А. Рихтер. Методику естествознания читал Г.Д. Лавров, физику и математику – профессор В.Д. Зернов, а профессор Д.Э. Янишевский - систематику и географию растений³⁸.

Однако студенты естественного отделения в те годы получали не только узкоспециальные знания. Профессор Ф.В. Баллод читал им «Введение в искусствоведение», блестящий фольклорист и этнограф Б.М. Соколов – введение в изучение литературы; знаток истории немецких колоний П.И. Зиннер преподавал немецкий язык. Изучались и общественно-политические дисциплины, но существенным изъяном являлось отсутствие курса по

³⁸ Профессора и доктора наук Саратовской области. 1909 – 1999. Саратов, 2000. С. 195.

истории философии (преподавался лишь диамат)³⁹. Видимо, университетское преподавание еще не освободилось от влияния позитивизма конца XIX в. В период учебы Э.Э. Гуммеля в СГУ основным направлением научных изысканий ботаников под руководством Д.Э. Янишевского были география растений и фитоценология⁴⁰. Темы, которые профессор давал своим дипломникам, касались описания различных местностей Нижнего Поволжья и Подонья в этом отношении и имели особую важность в связи с подготовкой Главным ботаническим садом многоотомника по систематизации флоры Юго-Востока⁴¹. Естественно, что Э.Э. Гуммелю, хорошо знакомому с природой Маркштадтского кантона, именно там научный руководитель предложил собирать материал для дипломного сочинения. Задачу Эмиля облегчало наличие при Центральном музее Маркштадта естественно-исторической лаборатории и двух гербариев местной флоры в естественно-научной коллекции⁴². Работу по ботанико-географическому обследованию кантона студент провел в мае – сентябре 1926 –1927 гг. Обращает на себя внимание, что именно тогда и туда же организовал экспедицию, а также посетил Центральный музей Маркштадта для изучения постановки музейного дела другой дипломник Д.Э. Янишевского, основатель отдела природы Саратовского областного музея краеведения Александр Дмитриевич Фурсаев, будущий профессор СГУ⁴³. Возможно, с его стороны это была дружеская поддержка своему коллеге. В 1926 г. могло состояться знакомство Э.Э. Гуммеля с Г.Г. Дингесом, проводившим обследование Маркштадтского музея.

В декабре 1927 г. Эмиль успешно защитил дипломную работу на тему: «Флора Маркштадтского кантона». Ему была присвоена квалификация педагога с правом преподавания естествознания и химии в «повышенных» школах II ступени. Однако диплом СГУ выпускник получил лишь 5 ноября следующего года, когда своей зарплатой в Центральном музее Покровска погасил задолженность по стипендии⁴⁴.

В студенческие годы Э.Э. Гуммель принимал участие в работе Саратовского общества естествоиспытателей⁴⁵, которое возглавлял его научный руководитель Д.Э. Янишевский. Не позднее 1924 г. – одновременно с А.Д. Фурсаевым - он вступил в члены СОЕ, где нашел поддержку и внимание со стороны известного ботаника В.Н. Чернова. В марте 1927 г. на общем собрании членов СОЕ Э.Э. Гуммель выступил с краткой информацией о результатах обследования Маркштадтского кантона в мае - сентябре 1926-27 гг., проявив достаточный уровень подготовки в области ботанического районирования. Впоследствии в «Известиях СОЕ», имевших небольшой

³⁹ Архив СГУ. Книга личных дел студентов №1. Д. 561. Гуммель Э.Э. Л.л. 1 – 23.

⁴⁰ Изучает растительные сообщества – фитоценозы.

⁴¹ Флора Юго-Востока европейской части СССР. В 4-х томах. Л., 1930.

⁴² Малова Н.А. Маркштадтский краеведческий музей//Немцы России. Энциклопедия. М., 2004. Т. 2. С. 397.

⁴³ Пантеева Н.М. Из истории отдела природы Саратовского областного музея краеведения//Естественно-историческое краеведение: прошлое и настоящее. Саратов, 1988. С. 5.

⁴⁴Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 3, л. 2.

⁴⁵ Далее – СОЕ.

тираж (500 экз.), вышла статья Э.Э. Гуммеля, посвященная 18 наиболее интересным видам и разновидностям, выявленным во флоре этого самого северного кантона АССР НП.⁴⁶ Среди них водные растения (элодея канадская), бореальные⁴⁷ флористические элементы (осока) и растения болотноводных местообитаний (тростник, роголистник); псаммофиты⁴⁸ и солевыносливые растения среднеазиатских пустынь, кальцефильно-степные виды⁴⁹. Хотя все эти виды уже были известны на территории Юго-Востока, ареал их удалось расширить или уточнить.

Летом 1928 г., уже в должности заведующего естественно-историческим отделом Центрального музея Покровска, Эмиль Эммануилович продолжил инвентаризацию флоры, собрав в Маркштадском кантоне гербарий из 2 тыс. растений. В итоге, дополнив свое дипломное сочинение новыми материалами, он очень оперативно подготовил к печати «Очерки флоры Маркштадтского кантона»⁵⁰ тиражом 500 экземпляров. Исследование Э.Э. Гуммеля стало продолжением крупных фитоценологических работ, охватывавших Заволжье и, в частности, на территорию Немреспублики⁵¹. Мы опустим таксономический⁵² анализ, только укажем, что заключительная часть его научного отчета – список конкретной⁵³ флоры, включающий 630 видов высших растений (625 цветковых, 2 папоротника, 3 хвоща). Это хороший результат, так как в Саратовской области известно в целом 1500 видов цветковых растений. В приложении дана карта Маркштадтского кантона и фотографии, отражающие многообразие местообитаний растительности на его территории. Частично они сохранились в фондах ЭКМ.

Работу открывает физико-географический обзор кантона, составленный по литературным данным. Статистически охарактеризованное соотношение земель сельскохозяйственного назначения и неудобий показывало, что уже в 1928 г. это был неустойчивый, депрессивный ландшафт, поскольку пашня занимала около 70% территории.

Далее следовал обзор естественных (степи, лиманов, поймы Волги) и искусственных (леса и сорных мест, в том числе сорнополевых) растительных сообществ. Автор постарался охватить все типы фитоценозов кантона с учетом сезонной и многогодичной изменчивости. Правда, этот очерк был схематичным: низшие растения не рассматривались, ценоотические

⁴⁶ ЭКМ 9356. Гуммель Э.Э. К флоре Маркштадтского кантона Республики немцев Поволжья. Отд. отт. Саратов, 1929. Т. 2, вып. 2. С.с. 1 - 4.

⁴⁷ Северные.

⁴⁸ Песколюбивые.

⁴⁹ Известколюбы.

⁵⁰ Hummel E. Beiträge zur Flora des Marxstädter Kantons der Wolgadeutschen Republik/ Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR des Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1928. Jahrgang 3. Heft 2. 68 S.

⁵¹ Б.А. Келлер. Растительный мир русских степей, пустынь и полупустынь (Очерки экологические и фитосоциологические)//Труды Государственного солонцово-мелиоративного института. Воронеж, 1923. Т. 1, вып. 1; Казакевич Л.И. Характеристика растительности Иргизско-Кушумского района (обследования 1929 г.). Саратов, 1930.

⁵² Выяснение состава видов, родов, семейств.

⁵³ То есть локального комплекса видов.

популяции⁵⁴ видов – тоже, развитие корневой части растений не изучалось. Но указан был размер площади выявления фитоценоза, ее мезо- и микрорельеф, описаны проективное покрытие⁵⁵ и высота травостоя, тип почвы (в отдельных случаях приводилось описание почвенных разрезов), а главное, видовой состав растений, основные ценозообразователи, доли участия их в сложении каждого фитоценоза и состав фитоцено типов⁵⁶. Поскольку фитоценология имеет непосредственное отношение к охране природы, Эмиль Эммануилович не мог не отметить, что у местного населения нет никакого понимания необходимости защищать лес.

Степные фитоценозы представлены следующими ассоциациями: 1) ковыльной (где доминировал наиболее засухоустойчивый вид ковыля – ковылок, или ковыль Лессинга), 2) типчаково-ковыльной, 3) типчаковой, 4) полынно-ромашково-типчаковой (сходной с ассоциациями полупустынь Сталинградского округа), 5) травянистой растительности степных балок, 6) степных оврагов, 7) кустарниковой степи, 8) каменистой степи (меловых возвышенностей на севере кантона), 9) песчаной степи (по краю верхней террасы Волги). В пойменных фитоценозах, состоящих из 148 учтенных видов, автор выделял следующие ассоциации: 1) береговой растительности, 2) песчаных дюн, 3) пойменных лесов, 4) пойменных лугов. Таким образом, рассматривались равным образом зональная⁵⁷, экстрazonальная⁵⁸ и интразональная⁵⁹ флора.

В целом, работа Э.Э. Гуммеля описательного характера соответствовала переходу от изучения флористической географии растений, преобладавшей в Нижнем Поволжье с 1917 по 1929 г., к геоботаническим⁶⁰ исследованиям следующего периода.⁶¹ Как добротный научный отчет, характеризовавший состав и распределение марксштадтской флоры, она не потеряет своей ценности и, возможно, учтена в Хельсинки в библиографическом списке Комитета по картированию флоры Европы⁶².

После ее выхода Э.Э. Гуммель был принят в аспирантуру СГУ по кафедре ботаники, а в 1929 г. Наркомпрос АССР НП намечал пригласить его на работу в Немецкий педагогический институт в Покровске⁶³. Как отмечал в это время директор Центрального музея в Покровске П.Д. Рау, все «Сообщения» музея признавались образцово изданными и пользующимися большим спросом⁶⁴.

⁵⁴ Совокупность всех особей одного вида в каком-либо конкретном растительном сообществе.

⁵⁵ Степень сомкнутости растительного покрова.

⁵⁶ Группа видов растений, характеризующихся определенной «стратегией жизни»: конкурентно мощные, или выносливые, или слабые конкуренты.

⁵⁷ Климатически обусловленная.

⁵⁸ Встречающаяся в разных зонах в особых условиях среды (например, в речных поймах).

⁵⁹ Встречается пятнами, но образует отдельную собственную зону (например, степные участки за пределами «своей» зоны).

⁶⁰ Геоботаника – комплекс научных дисциплин, изучающих растительный покров.

⁶¹ Мичурин В.Г. Саратовское отделение Русского ботанического общества//Естественно-историческое краеведение: прошлое и настоящее. Саратов, 1998. С. 51.

⁶² Atlas Florae Europaeae.

⁶³ Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995. С. 30.

⁶⁴ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д.7, л. 19.

Поскольку никаких теоретических построений в научном отчете Э.Э. Гуммеля не имелось, он не мог претендовать на внимание ведущих музеев естественной истории и научных обществ за рубежом. Но все же его публикация вызвала там определенный интерес. Книгу запрашивали Центральная библиотека Цюриха и цюрихское Общество естествоиспытателей (хотя справедливость требует отметить: этот интерес мог отчасти объясняться тем, что первыми поселенцами Маркштадтского кантона часто считают швейцарцев, поскольку здесь сосредоточены восемь немецких колоний, соименных швейцарским кантонам). Теплый отклик пришел из Бранденбургского музея в Берлине, изучавшего славянский субстрат на территории марки (Märkisches Museum, письмо от 30 января 1929 г.). Также «Очерки...» Э.Э. Гуммеля заказали университетская библиотека г. Киля, берлинский Корреспондентский листок немецкой науки и техники и Немецкая-Поволжско-немецкая служба прессы в Берлине⁶⁵.

Из саратовских ботаников к работе Э.Э. Гуммеля в недавнем прошлом обращался исследователь основных географических закономерностей растительного покрова области профессор А.О. Тарасов⁶⁶. Ведь повсеместное затопление поймы Волги и мелиорация Заволжья, в наибольшей степени затронувшая Марксовский район, ныне привели к смене доминирующих растительных ассоциаций. Увеличилась доля солелюбивых растений, вдоль дорог мигрировала рудеральная (сорная) растительность с более южных территорий, произошла гибель пойменных ассоциаций.⁶⁷ Ныне в районе преобладают культурные ландшафты на месте разнотравно-типчачово-ковыльных, сухих типчачово-ковыльных и опустыненных полынно-типчачово-ковыльных степей⁶⁸.

Итак, путь Э.Э. Гуммеля в науку начался достаточно успешно. Однако еще в декабре 1926 г. в центре была создана комиссия самого высокого уровня для обследования музеев. Ее критике подверглась традиция, которую, по мнению комиссии, характеризует отвлеченно-научный характер работы, почти полное отсутствие музеев естественно-исторических, сельскохозяйственных. В заключение был сделан вывод: «Дальнейшее оставление местных музеев в системе руководства Главнауки не оправдывается никакими соображениями»⁶⁹. А затем в 1928 г. вышло постановление «О музейном строительстве в РСФСР», нанесшее удар научно-исследовательской работе музеев и, в частности, Центрального музея в Покровске. При этом Э.Э. Гуммель, лояльный Советской власти, и сам отчасти соглашался с мнением тех, кто призывал усилить прикладную направленность научных исследований. В отчете за 1928/29 г. он писал: «Изучение растительности нашего засушливого края является чрезвычайно важной задачей не только в

⁶⁵ Архив ЭКМ. Дело 1931 г. Переписка с заграницей.

⁶⁶ Тарасов А.О. Генезис флоры и зональной растительности Южного Заволжья. Диссертация на соискание ученой степени доктора биологических наук. Саратов, 1970.

⁶⁷ Аникин В.В. Степень сохранности биоресурсов Саратовской области и их научная значимость в экологическом туризме//Туристский потенциал Саратовской области. Саратов, 2002. С. 64.

⁶⁸ Энциклопедия Саратовского края. Саратов, 2002. С. 86.

⁶⁹ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 3, л. 37 - 40.

научном отношении, но и в деле изучения производительных сил края, которые играют большую роль в социалистическом строительстве»⁷⁰.

Работая в Центральном музее, Эмиль Эммануилович разделял мнение Г.Г. Дингеса о необходимости предварительного рекогносцировочного обследования всей территории Немреспублики с тем, чтобы затем направить свое внимание на более интересные пункты. Поэтому с 1927 по 1932 гг. к уже изученному Маркштадтскому кантону он добавил знакомство с флорой Мариентальского, Федоровского, Краснокутского, Палласовского, Старополтавкинского, Покровского и Зельманского кантонов левобережья Волги и ее правого берега, а также Донского бассейна в пределах АССР НП. Итоги этой большой работы Э.Э. Гуммель, по-видимому, так и не успел подвести.

Инвентаризация флоры Маркштадтского кантона показала, что первозданный ландшафт заволжской степи уцелел в самой незначительной части: к 1930 г. по степени распаханности Немреспублика занимала первое место в Нижневолжском крае⁷¹. Поэтому Э.Э. Гуммель остановился на теме: «Изучение флоры поймы Волги».

Во введении к посвященной этой теме монографии⁷², практически полностью подготовленной за время работы в музее и вышедшей большим тиражом (4 тыс. экз.), он пишет, что здесь – сообщение о работах 1929 – 1932 гг., предпринятых с флористической и ботанико-географической целью в пойме Волги в пределах Немреспублики на площади в 70 тыс. га. То есть предметом изучения стала флора одного интразонального ландшафта (левого берега Волги на отрезке 237 км с севера на юг по прямой). Далее автор говорит, что ему нужен по меньшей мере еще один год, чтобы обработать сведения по изучению лугов, пастбищ и сенокосов и по повышению их продуктивности, актуальной в связи с развитием животноводства в АССР НП. Таким образом, время наложило отпечаток на выбор темы задуманной в двух частях работы Э.Э. Гуммеля, это ощущается уже в первой части, названной автором «Очерк о флоре на территории АССР Н.П.»⁷³.

Для ботаников очевидно, что изучение дикой флоры очень важно с прикладной точки зрения. К изучению растительности волжской поймы уже обращались Д.Г. Виленский, профессор В.П. Панферов и др.⁷⁴ Первый из авторов выявил 137 видов, но не проводил исследований на территории Маркштадтского кантона. У В.П. Панферова в составе растительных ассоциаций выявлено 99 видов, но рукопись его доклада Наркомзему АССР НП остается неопубликованной. В целом, из растений, известных на

⁷⁰ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 5, л. 1.

⁷¹ Нижневолжский край. М., 1930. С. 50.

⁷² Hummel E. Studien über die Flora des Inundationsgebiets der Wolga. Auf dem Territorium der Wolgadeutschen Republik. Engels, 1933.

⁷³ См. ЭКМ 10491 (нижняя сторона обложки монографии).

⁷⁴ Виленский Д.Г. Растительность заливных лугов Республики Немцев Поволжья//Госплан АССР Немцев Поволжья. Сборник статей и материалов. Покровск, 1926. №1; Панферов В.П. Волжские заливные луга АССР Немцев Поволжья. Рукопись. Покровск, 1927.

«немецком» участке поймы по литературным данным, автору не встретились при полевых исследованиях лишь 8 видов.

Однако, писал Эмиль Эммануилович в физико-географическом очерке, открывающем монографию, до сих пор отдельные отрезки поймы Волги не охарактеризованы в ботаническом отношении. Эту работу нельзя откладывать. Со строительством плотины у Камышина заливная пойма до Самары исчезнет, и нельзя будет иметь связную картину растительного покрова. Лесные массивы уже сейчас пришли в состояние, оставляющие желать лучшего.

Глава 3 посвящена флористическому анализу высших растений поймы, систематический список которых здесь приведен. Мхи и лишайники, по мнению автора, не играют в пойме никакой роли. Из 338 видов наибольшее количество относится к семейству сложноцветных (50), на втором месте злаки (36 видов), далее бобовые (18 видов). Анализ по жизненным формам, проведенный в главе 4, показал, что в пойме доминируют травянистые растения с многолетним циклом развития (69%), однолетних 25%, а двулетних 6%. Преобладает разнотравье (245 видов), имеющее меньшую, чем злаки и бобовые, кормовую ценность⁷⁵.

Леса занимают в пойме всего около 38,5 га (чуть более 0,3%), потому что от былой лесной растительности до нас дошла ничтожная часть. Здесь произрастает треть лесов государственного значения (например, около Золотурна), но преимущественно леса местного значения. Всего в пойме учтено 26 видов деревьев и кустарников, из которых самый распространенный – тополь черный (осокорь).

Луга, по большей части, - продукт деятельности человека по уничтожению лесов. Господствуют луговые злаки, самый распространенный среди которых – костер. Луговые растения обладают большой экологической⁷⁶ амплитудой. В то же время, отмечены редкие растения поймы, среди которых - бекмания. Лебеда многосеменная вне поймы автору встречалась только в Дьяковском лесу. У Золотурна, Шталя, Кошаркино, Иловатки островами заходит степная растительность. Флора вод поймы бедна (17 видов). Причиной этого являются весенние разливы.

По ассоциациям виды растений распределены только в описаниях опытных лугов Немецкого сельхозинститута в Покровске⁷⁷, однако статистически не взвешивались по обилию. В группе растений, цветущих до подъема воды, таких, как ландыш майский, автор усматривает первоначальные поемные виды; но чем далее на юг, тем больше число видов, цветущих после разлива.

В заключение делается вывод, что для растительности поймы первостепенное значение имеют продолжительность паводка и интенсивность накопления наилка.⁷⁸ Сенокос играет гораздо меньшую роль, чем разливы.

⁷⁵ Общая ботаника с основами геоботаники. М., 1994. С. 249.

⁷⁶ Экология изучает факторы окружающей среды, влияющие на растение.

⁷⁷ Далее – НемСХИ.

⁷⁸ Осадок, содержащий много питательных веществ.

Монография Э.Э. Гуммеля сохраняет определенную ценность. Выявление им новых для поймы растений показывает, что инвентаризация ее флоры к тому моменту еще не была закончена. Таким образом, Эмиль Эммануилович тоже приложил усилия, чтобы к 1940-м годам флора Саратовской области была относительно хорошо изучена⁷⁹. К тому же, к концу XX века природа Нижнего Поволжья перенесла сильнейший антропогенный пресс, в итоге которого произошли глобальные изменения природных ландшафтов, гибель пойменных и деградация степных ассоциаций, смещение климатических параметров в сторону аридности⁸⁰.

Однако нельзя не отметить, что эта монография Э.Э. Гуммеля выполнена в духе, характерном для начала 1930-х, когда публикация материалов научного отчета стала считаться буржуазным пережитком, и из-за этого «не смотрится» на фоне вышедших тогда же основополагающих работ саратовских биологов⁸¹, так как никаких предположений о причинах гетерогенности⁸² пойменных видов Эмиль Эммануилович не высказывал. Тем более, что в увлечении планами преобразования природы он на основе этой предварительной работы решил выразить мнение, что сенокосы заливной поймы не играют большой роли, ее воды бедны рыбой. Между тем кому, как не аспиранту Д.Э. Янишевского, нужно было знать, что его научный руководитель поднимал вопрос о необходимости выделения заповедных участков на территории Нижнего Поволжья⁸³. Биологу должно было добиваться сохранения эталонного участка пойменного ландшафта, ведь продуктивность естественных фитоценозов так велика, что даже растительность полупустынь способна прокормить громадные стада сайгаков! К сожалению, в работе Э.Э. Гуммеля отразился массовый уровень экологического сознания в годы первых пятилеток.

При Эмиле Эммануиловиче методично пополнялась естественно-научная коллекция Центрального музея. На 1 октября 1927 г. она включала гербарий этого ботаника из 552 номеров, оцененных в 380 руб.⁸⁴ Создание подобных малых гербариев при краеведческих музеях и других учреждениях и сейчас рассматривается как актуальная задача, не только в силу того, что гербарии - основа научной работы в области систематики, флористики и географии растений, но и из-за того, что способствуют осуществлению мониторинга окружающей среды⁸⁵. Помимо гербария Э.Э. Гуммеля, коллекция состояла из гербария Э.А. Мейера, 6 распилов деревьев, 10 останков ископаемых

⁷⁹ Мичурин В.Г. Саратовское отделение Русского ботанического общества//Естественно-историческое краеведение: прошлое и настоящее. Саратов, 1998. С. 51.

⁸⁰ Аникин В.В. Степень сохранности биоресурсов Саратовской области и их научная значимость в экологическом туризме//Туристский потенциал Саратовской области. Саратов, 2002. С. 64.

⁸¹ Фурсаев А.Д. К флоре Юго-Востока европейской части СССР//Ботанический журнал. М., 1933. Т. 18, №6; Усов Н.И. Почвы и растительность правобережной части Республики Немцев Поволжья Нижневолжского края. Саратов, 1930 и т.д.

⁸² Разнородности.

⁸³ Янишевский Д.Э. К итогам краеведческой работы по ботанике в Нижне-Волжской области// Саратовская областная музейная конференция. 12 - 15 октября 1926 г. Саратов, 1926. С. 8.

⁸⁴ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 3, л. 2 об.

⁸⁵ Ксенофонтова В.В. Естественно-научные коллекции//Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 184.

животных (мамонта, тура и носорога), 3 шкур животных, 1 картины с изображением академика Палласа и 21 акварельного рисунка⁸⁶.

Не позднее 15 декабря 1927 г. Эмиль Эммануилович уже в качестве заведующего отделом составил план работы на 1927/1928 гг. Предстоящая деятельность разделялась на две части. Во-первых, научно-исследовательскую по изучению растительного и животного мира Немреспублики методом многочисленных экскурсий в ее различные части. При этом главная роль отводилась изучению флоры, особенно семенных растений; попутно должны были также собираться материалы по животному миру. Во-вторых, обработку собранных материалов и их подготовку к экспонированию по темам: деревья и кустарники; лекарственные; ядовитые растения; сорняки; растения-паразиты; наиболее распространенные насекомые; совместная выставка зверей и птиц (био группы?); важнейшие минералы и природные раритеты (вероятно, метеориты)⁸⁷.

Многое удалось осуществить. Неизвестный автор «Объяснительной записки к смете Центрального музея», составленной примерно в 1927/28 г., утверждал: «Отдел природы уже в настоящее время проводит большую просветительную работу и стал центром научного изучения природы АССР Н.П.»⁸⁸. И это - несмотря на недостаток площади. Экспозиционный зал отдела составлял всего 36 кв.м, да еще имелась маленькая комнатка для лаборатории. Год спустя еще удавалось выдерживать ту же линию. Составляя отчет о работе отдела природы в 1928/1929 гг., Э.Э. Гуммель писал: «Научно-исследовательская является наиболее важной частью работы всего отдела, ибо музей в первую очередь учреждение научное»⁸⁹.

Однако уже к октябрю 1928 г. стал ощущаться недостаток финансов. Задуманное устройство лаборатории для отдела природы с микроскопом, точными весами, химикатами, фотоаппаратом, химической посудой, лупой, биноклем, рисовальным аппаратом уже не могло быть осуществлено, удалось приобрести только препаровальную лупу и ящик для дезинфекции.⁹⁰

В июне 1930 г. Э.Э. Гуммель приглашает письмом Дайлова на должность препаратора, ведь одна только экспедиция 1929 г. в южную часть Левобережья принесла около 1000 номеров гербарных сборов⁹¹.

Тематические планы не сохранились, однако, судя по плану работы на 1929/30 гг., Эмиль Эммануилович намечал провести ландшафтно-комплексный принцип экспозиции, который лучше всего отражает тесную связь геологического строения, климата, почвы, растительного и животного мира⁹². Однако в 1928/29 гг. удалось осуществить только витринный показ. Приобретены были 4 стенные витрины для растительных коллекций по темам: «Наш лес», «Наша степь» (обращает на себя внимание отсутствие еще

⁸⁶ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 3, л. 2 об.

⁸⁷ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 3, л. 17 – 17 об.

⁸⁸ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 3, л. 34.

⁸⁹ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 5, л. 1.

⁹⁰ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 3, л. 19 – 20; д. 5, л. 2 об.

⁹¹ Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 5, л. 2 об.; д. 4, л. 13 об.

⁹² Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 5, л. 5 об.

одного характерного для АССР НП ландшафта – водного) и большая стеклянная витрина (для животных?)⁹³. Тогда же поступили экспонаты по темам: «Фауна наших пресных вод», «Половой диморфизм», коллекция птичьих яиц, «Грибные болезни наших растений» (32 вида), «Защитная окраска животных (вальдшнеп)», «Рудиментарные органы (слепыш)», чучела чирка-матери с семейством, семи птиц, из которых наиболее редкая выпь, а также хорька, ласки, сусликов (помимо горностаея)⁹⁴. В июне 1930 г. была изготовлена витрина для птиц – ведь по Волге пролегает один из важнейших путей птичьего перелета. Тогда же предполагалось приобрести витрину для геологических коллекций, хотя музеем еще не намечалась организация экспедиций для обследования геологических слоев с палеофауной и палеофлорой. Нет сомнений, что переход к диорамному показу Э.Э. Гуммель осуществить не успел. Но он сумел в июне 1929 г. познакомиться с постановкой музейного дела в Хвалынском естественно-историческом музее, где под руководством директора - известного ботаника К.Ю. Гросса был собран огромный гербарий⁹⁵.

Эмиль Эммануилович намечал также приступить к сельскохозяйственному изучению Немреспублики. Организация соответствующего подотдела под его руководством стоит в плане 1927/1928 г., затем переходит в план 1929/1930 гг. (уже как отдела) «в связи с борьбой за коллективизацию», но осуществить ее ботаник не успел⁹⁶.

В должности заведующего отделом природы Э.Э. Гуммель проработал до 1931 года включительно, став свидетелем ареста профессора Дингеса и ухода из жизни П.Д. Рау. Не позднее ноября 1930 года 33-летний ботаник временно стал исполнять обязанности директора Центрального музея и заведующего отделами природы и археологии⁹⁷. В заслугу ему необходимо поставить то, что возглавить отдел этнографии в музее он пригласил будущего профессора А.А. Дульзона. Под грифом Центрального музея была тогда издана этнографическая анкета по изучению свадьбы немецких колонистов, составленная этим ученым - впоследствии крупнейшим лингвистом. Библиотеку музея, насчитывавшую из 2729 книг, Э.Э. Гуммель намечал пополнить подпиской на журнал по естествознанию. Отвечала за библиотеку Берта Гуммель - не исключено, жена Эмиля Эммануиловича. Если предположить, что в девичестве ее могли звать Б.Я. Альтерготт, то получится, что на работу в музей в качестве научного сотрудника она была принята одновременно с Э.Э. Гуммелем.⁹⁸

Но и этот коллектив единомышленников недолго определял «лицо» Центрального музея, так как Немреспублику захлестнули события «великого перелома». Летом 1931 г. состоялась 2 сессия ЦИК АССР Н.П., принявшая решение о полной реорганизации Центрального музея в Покровске

⁹³Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 5, л. 2 об.

⁹⁴Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 5, л. 2 об.

⁹⁵Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 5, л. 3.

⁹⁶Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 3, л. 29; д. 5, л. 5 об. – 6.

⁹⁷Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 10, л. 64.

⁹⁸Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 6, л. 20 об.

(имевшего, хочется напомнить, характер комплексного научно-исследовательского института краеведения) в краеведческий музей. Под этим подразумевалось, что пропагандистская деятельность станет преобладающей. Доказательством служит тот факт, что во исполнение решения ЦИКа Совнарком 3 июля 1931 г. принял постановление, предусматривавшее смену кадрового состава музейных работников⁹⁹, которым отныне предписывалось вести научно-исследовательскую работу бригадным способом. Смотровая бригада, инспектировавшая музей по естественно-историческому отделу, сделала вывод о недостаточно глубокой его перестройке в связи с реконструкцией сельского хозяйства, об отсутствии активной антирелигиозной пропаганды и отражения классовой борьбы в области естествознания¹⁰⁰. Воркун и Васмут, руководившие бригадой, признали общественно-научную работу отдела скромной, заявив, что «руководитель отдела не проявляет необходимой партийности».¹⁰¹ Развязана была травля, в результате которой Э.Э. Гуммель вынужден был покинуть музей, где прошел самый плодотворный период его деятельности и где с уходом его «команды» надолго замерли научные исследования.

17 июля 1931 г. Эмиль Эммануилович передал по акту Центральный музей новому директору Э. Шютцу¹⁰², а сам ушел на преподавательскую работу в НемСХИ. Хотя бывшие сотрудники при расставании с музеем не услышали о себе доброго слова, тем не менее при новом руководителе продолжалось развертывание отделов, намеченных еще профессором Дингесом и Э.Э. Гуммелем. В их числе был создан и сектор сельского хозяйства под руководством агронома Д. Куфельда. Настороженное и даже враждебное отношение к Эмилю Эммануиловичу со стороны нового руководства музея проявилось на заседании методического бюро при НемСХИ 14 октября 1931 г. Рецензировалась подготовленная в музее программа отдела социалистического сельского хозяйства. При этом, хотя на заседании присутствовал Э.Э. Гуммель, в совет Центрального музея был введен не он, а не знающий музейной работы Мерц.¹⁰³ Что касается отдела природы, его возглавил бывший начальник Э.Э. Гуммеля, активный член союза воинствующих безбожников журналист А.К. Маттерн, некогда пастор Екатеринбургского лютеранского собора. В июне 1933 г. он фигурировал в документах как временно исполняющий дела директора Центрального музея¹⁰⁴.

За рамками нашего сообщения, к сожалению, остаются работа Э.Э. Гуммеля в Обществе научного изучения Немреспублики, а также его деятельность во главе Госкомитета по охране природы АССР НП, обратимся только к

⁹⁹Ерина Е.М., Малова Н.А. К истории Центрального музея АССР Н.П.//Феникс. Алма-Ата, 1997. №20. С. 226.

¹⁰⁰Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 4, л. 34 – 35.

¹⁰¹Флейман Е.А. Государственные музеи в Республике немцев Поволжья//Немецкий этнос: вехи истории. Материалы научной конференции 24 – 25 июля 1993 г. М., 1994. С. 114.

¹⁰²Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 13, л.26.

¹⁰³Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 13, л. 48.

¹⁰⁴Эф ГАСО, ф. Р-1348, оп. 1, д. 11, л.16; д. 19, л. 19-20.

трагическим страницам его биографии. Спокойно продолжать научные исследования в НемСХИ Эмилю Эммануиловичу не дала кампания по разоблачению «скрытых фашистов» летом 1934 г., во время которой из вузов Немреспублики начали изгонять неугодных власти преподавателей¹⁰⁵. 27 апреля 1935 г. Э.Э. Гуммель был арестован НКВД АССР немцев Поволжья, а 4 октября 1936 г. особым совещанием при НКВД СССР он был приговорен за шпионаж к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 1 октября 1959 г. Саратовским областным судом.¹⁰⁶

Итак, исторически сложилось, что в отделе природы Центрального музея АССР НП во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов успешно развивалось только ботаническое направление, во главе которого стояли профессор Э.А. Мейер и Э.Э. Гуммель.

Список печатных работ Э.Э. Гуммеля по ботанике

1. Hummel E. Beitrage zur Flora des Marxstädter Kantons der Wolgadeutschen Republik/ Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR des Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1928. Jahrgang 3. Heft 2. 68 S.
2. Гуммель Э.Э. К флоре Маркштадтского кантона Республики немцев Поволжья//Известия Саратовского общества естествоиспытателей. Саратов, 1929. Т. 2, вып. 2.
3. Hummel E. Studien über die Flora des Inundationsgebiets der Wolga. Auf dem Territorium der Wolgadeutschen Republik. Engels, 1933. 79 S.

Научно-популярные в журналах

1. Hummel E. Naturschutz und Schule//Wolgadeutsches Schulblatt. Pokrowsk, 1929, №1.
2. Hummel E. Die Bedeutung des Naturschützes im Kampfe um den erhöhten Ernteertrag//Wolgadeutsches Schulblatt. Pokrowsk, 1929, №4.
3. Hummel E. Gesellschaft für wissenschaftliche Erforschung der Wolgadeutschen Republik/Wolgadeutsches Schulblatt. Pokrowsk, 1929. № 5. S. 526 – 527
4. Hummel E. Schützt die Pflanzen!//Trommel. Pokrowsk, 1929, №7.
5. Hummel E. Junge Naturalisten, vergesst nicht die frierenden und hungernden Vöglein!//Trommel. Pokrowsk, 1930, №22 – 23
6. Hummel E. Der Naturschutz und seine Bedeutung im proletarischen Staat. Pokrowsk, 1930.

Научно-популярные в газетах

1. Hummel E. Der I. Allrussische Kongress für Naturschutz//Nachrichten. Pokrowsk, 1929, №226.
2. Hummel E. Mehr Aufmerksamkeit der Gesellschaft für wissenschaftliche Erforschung der Wolgadeutschen Republik!//Nachrichten. Pokrowsk, 7.Apr.1929, №78.
3. Гуммель Э. Краеведческое общество Немреспублики//Трудовая правда. Покровск, 16 апр.1929, №45.
4. Гуммель Э. Смотр краеведческой работы в Немреспублике//Трудовая правда. Покровск, 27 дек. 1930.

¹⁰⁵ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Саратов, 1994. Ч. 2. С. 226.

¹⁰⁶ Архивное уголовное дело №ОФ – 17686. Списки жертв политических репрессий Саратовской области <http://www.memo.ru/memory/saratov/d04.htm>.

5. Hummel E. Der Tag des Waldes und die Kollektivisierung der Landwirtschaft//Nachrichten. Pokrowsk, 1930, №91.
6. Гуммель Э. Против рождественской елки//Трудовая правда. Покровск, 1930, №2.